

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРТАН**
историй

Павел Глоба
2014: опасные
для жизни даты,
страны и моря

Марк Захаров
откровенно о семье:
«Личная жизнь Саши
не сложилась из-за
одного режиссера...»

Виктория Боня
о браке с сыном
миллионера:
«Мне говорили —
не бывает из грязи
в князи»

«Депрессия и
алкоголь стали
ее спутниками»

Воспоминания
дочери Елизаветы
Никищихиной

Тайна мемуаров
Никиты Хрущева

Ляйсан Утяшева:

«Главные слова мы с Пашей Волей
сказали друг другу в Барселоне»

ISSN 1818-4383

01
9 771818 438774

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

НА ОБЛОЖКЕ

ЛЯЙСАН УТЯШЕВА
ФОТО И КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИЗАЙН
ЕКАТЕРИНЫ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕМЬ ДНЕЙ» WWW.7DAYS.RU

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НИНА НЕЧАЕВА

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛАРИСА ВИННИК

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА НАТАЛЬЯ КОРОЛЕВА

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ТАМАРА ВОЛКОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОЛЕСЯ МАЗУР

КООРДИНАТОР ПРОЕКТОВ ЯНА РОЗЕНЦВЕЙГ

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЕКАТЕРИНА НАУМОВА

РЕДАКТОРЫ АННА АРЦЕУЛОВА, АННА ВАНДЕНКО, МАРИЯ ГРИГОРЯН, ЗАЛИНА ДЗЕРАНОВА,
ЕЛЕНА ЛАНКИНА, ИРИНА МАЙОРОВА, МАРИНА ПОРК, ЮННА ЧУПРИНИНА

ДИЗАЙНЕРЫ ВЛАДИМИР ВОВНОБОЙ, НАДЕЖДА ПОЛИЩУК

БИЛЬД-РЕДАКТОРЫ АНТОН ЖУКОВ (ЗАВ. ФОТОСЛУЖБОЙ), ЕКАТЕРИНА ШУТЫЛЕВА

РЕДАКТОР ПРОВЕРКИ ТАТЬЯНА СМИРЕНСКАЯ

КОРРЕКТОРЫ ГАЛИНА ЛЯШЕНКО, ЛЮБОВЬ ШАХОВСКАЯ

ВОДИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР КИСЛОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ 125080, МОСКВА, ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ, Д. 5А

E-MAIL KOLLEKTSIA@7DAYS.RU **ТЕЛ./ФАКС (495) 753-41-39, 753-41-25**

РЕДАКЦИЯ В ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ НЕ ВСТУПАЕТ.

РУКОПИСИ, НЕ ПРИНЯТЫЕ К ПУБЛИКАЦИИ, НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.
ПЕРЕПЕЧАТКА МАТЕРИАЛОВ (ФОТО И ТЕКСТОВ) БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ РЕДАКЦИИ ЗАПРЕЩЕНА.

ЗА СОДЕРЖАНИЕ РЕКЛАМЫ РЕДАКЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИГОРЬ СВИРИН **ТЕЛ. (495) 753-41-43**

ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ НАНА ЦОБЕХИЯ (**ДИРЕКТОР**), ИРИНА МЕНАБДЕ (**ЗАМ. ДИРЕКТОРА**),

ИРИНА ЛЮТИКОВА (**СТ. МЕНЕДЖЕР**), ОЛЬГА ВАСИЛЕВСКАЯ, СВЕТЛАНА ДОЛГИХ, НАТАЛЬЯ ИВАНОВА, ЮЛИЯ МОКРЕЦОВА,
НАДЕЖДА НОВИКОВА, ИРИНА ПАНФИЛОВА, ВИКТОРИЯ СОКОЛОВА, ЕКАТЕРИНА ДЕВЯТОВА (**КООРДИНАТОР**)

ТЕЛ. (495) 753-41-45, 753-41-46, 753-11-11, 753-11-12, ФАКС 753-41-48

ДИРЕКЦИЯ ПО МАРКЕТИНГУ МАРИНА ЦХОВРЕБОВА (**ДИРЕКТОР**) **ТЕЛ. (499) 195-92-36,**

ДИРЕКЦИЯ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ АННА КОШМАН (**ДИРЕКТОР**) **ТЕЛ./ФАКС (495) 753-41-04,** **ДИРЕКЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ**
ПРОИЗВОДСТВА **ТЕЛ. (495) 753-41-43,** **ДИРЕКЦИЯ ПО ЭЛЕКТРОННЫМ МЕДИА** КОНСТАНТИН КАЧАЛОВ (**ДИРЕКТОР**)

ТЕЛ. (495) 984-82-01, **ДИРЕКЦИЯ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ** ЛЕВ ГАЛУСТОВ (**ДИРЕКТОР**), **ДИРЕКЦИЯ ПО**
ПРЕ-ПРЕСС ТЕХНОЛОГИЯМ АНДРЕЙ ФЕДЫНА (**ДИРЕКТОР**), ИГОРЬ ЗАХАРОВ (**ЗАМ. ДИРЕКТОРА**), АНДРЕЙ АМУРСКИЙ, МИХАИЛ
АРТЮХИН, РОМАН БАЛАШОВ, ОЛЕГ БОБРОВ, АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ, СЕРГЕЙ ГОЛЬЦЕВ, СЕРГЕЙ КОРОСТЕЛЕВ, МАКСИМ СЕМЕНОВ,

АНТОН СОКОЛОВ, МАРГАРИТА СТАРЦЕВА, ВАЛЕРИЙ ЧИЖ

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ № ФС77-28325 от 11 июня 2007 года

№ 01 (67) ЯНВАРЬ 2014

ПОДПИСАН В ПЕЧАТЬ 19.12.2013 г.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ MOHN MEDIA MOHNDRUCK (ГЕРМАНИЯ)

ТИРАЖ 812 000 экз.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

СОГЛАСНО Ф3 ОТ 29.12.2010 №436-ФЗ ЖУРНАЛ «КОЛЛЕКЦИЯ КАРАВАН ИСТОРИЙ» ОТНОСИТСЯ К КАТЕГОРИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ.

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА ЗВЕЗД

6

Ляйсан Утяшева
Письма о любви

30

Виктория Боня
Мои алье парусы

60

Марк Захаров
Формула жизни

190

Павел Глоба
Проклятие Лермонтова

стр. 90

стр. 128

ИМЕНА

100

Ирина Клявер
Всегда рядом

128

Екатерина Никищина
Единственная любовь

ФАКТ

160

Феликс Розенталь
Тайна мемуаров Хрущева

ФАНТАЗИИ

Проекты Екатерины
Рождественской

90

Театр одного актера

154

Частная коллекция

стр. 160

КОЛЛЕКЦИЯ КАРАВАН ИСТОРИЙ

Только что мы встретили Рождество. А ведь в застойные времена вся страна отмечала только Новый год, а Рождества официально вроде как бы и не было. От остального мира СССР отделял железный занавес, и мы практически ничего не знали о жизни на Западе. Папа актрисы Евгении Симоновой, известный нейрофизиолог, вернувшись из командировки в Штаты, решил на Рождество, как принято у американцев, повесить на дверь веночек. Соседи тут же заволновались, приходили с печальными лицами: «У вас кто-то умер?»

Мой приятель-актер тогда тоже оказался в анекдотической ситуации. Он каким-то невероятным образом умудрился попасть в голливудский фильм — на роль подручного главаря русской мафии, хоть и был по происхождению грузином и говорил с акцентом. Но сыграл. Возвращался под Новый год: привез чемодан дефицитных шмоток и, ради смеху, большого Санта-Клауса, который руками должен был цепляться к внешнему подоконнику, — теперь-то такую куклу каждый ребенок знает, а в восьмидесятые это было в новинку. Прицепить не получилось — видимо, требовалось какое-то специальное приспособление. Делать нечего, приятель вбил гвоздь в раму и повесил Санту за шею.

Тут в гости зашел знакомый с сыном. И мальчишка выпросил необычную игрушку на один день — похвастаться перед друзьями. А через час являются милиционеры: «Соседи говорят, что вы повесили мужчину-карлика в красном халате, а потом втащили его в квартиру. Где тело?» — «Простите, но это просто игрушка!» — «А соседи говорят — человек!» Пришлось вместе с нарядом милиции ехать к другу за Сантой.

Вот что может произойти, если жить за железным занавесом. Не дай бог снова за ним оказаться. Астролог Павел Глоба, прогноз которого мы публикуем в этом номере, к счастью, такого будущего для нас не видит. Год будет непростой, но к трудностям нам не привыкать. Главное: не терять чувство юмора и верить в лучшее. А поможет в этом — астрология!

Главный редактор
Нина Нечаева

ЛЯЙСАН УТЯШЕВА

ПИСЬМА О ЛЮБВИ

Павел именно тот мужчина, с которым я хочу быть до конца своих дней. Он мой человек. Все, что случилось в моей жизни «до», было лишь прелюдией. Или наукой — иногда несправедливо жестокой.

**Здесь я первоклассница.
Рядом — мама и папа,
Зульфия и Альберт Утяшевы**

Я почти уверена, что Паша пишет стихи. А тебе, Масыя, еще нужно дорасти до понимания его шуток.

Последнее замечание кольнуло самолюбие, но я знала: мама не ошибается в людях. Она словно видела их насквозь. И ее прогнозы всегда сбывались. Сколько раз еще подростком слышала от мамы на соревнованиях: «У этой девочки есть все данные, но она никогда не станет чемпион-

Понимаю, что должна простить отца. Я и простила, но забыть мамины слезы и то, как мы с ней голодали, наверное, не смогу никогда

Э тот разговор произошел за два дня до маминой смерти. Мы сели завтракать, и она вдруг говорит:

— Масыя, я видела во сне ангела. Он сказал, что готов прилететь к тебе в облике сына или дочки, но боится.

— Боится? Чего?

— Тебя. Ты слишком сильная и самостоятельная, а еще иногда ругаешься матом...

— Мам, ну ты же понимаешь: когда руководишь целой телевизионной бригадой, без крепкого словца порой никак.

— И все же постарайся. Будь мягче ипусти наконец в свою жизнь человека, который тебе дорог и которому дорога ты. Только по-настоя-

щему впусти — без оглядки, без опасения потерять независимость, и ангел к тебе прилетит.

Мама не назвала имени, но я знала, что она имеет в виду Пашу Волю. Мы знакомы еще с 2005 года. Поначалу даже не дружили, так: «Привет!» — «Привет!» Но однажды я пошла на выступление «Камеди клуб» вместе с мамой, и после одного из номеров Воли она шепнула мне на ухо:

— Хороший мальчик, обрати внимание.

— Будем считать, что обратила, — и что?

— Дурочка! Если мужчина умеет так красиво, не скатываясь в пошлость, шутить, он очень умный и талантливый.

кой — не хватает стержня и бойцовского духа». Через несколько лет талантливая гимнастка уходила из спорта, так и не поднявшись на верхнюю ступеньку пьедестала. Однажды, увидев, как молодой человек пытается завоевать мое расположение, мама сказала: «Зря старается. Он не будет тебе интересен даже в качестве приятеля». И не ошиблась, как и в Паше.

Как-то незаметно между нами возникла дружба, мы стали перезваниваться, встречаясь, подолгу разговаривали. Приятно было обнаружить, что на многое мы смотрим одинаково, нам интересны одни и те же книги, одни и те же фильмы... Мама оказалась

права — Паша очень талантливый и умный человек.

Сегодня, перечитывая дневники, которые веду еще со школы, понимаю, что мама предчувствовала свой ранний уход. В разговорах со мной часто повторяла: «Когда меня не будет рядом...», «Когда ты уже не сможешь со мной посоветоваться...» Конечно, тогда я не понимала значения этих слов, а может, подсознание, выставив защиту, просто не позволяло проникнуть в их смысл.

Замуж мама вышла против воли родных. Ее отец Султангарей Султангареевич-Адилгареевич Кираев долгие годы был главой большого поселка Раевское в Башкирии, дедушку уважали в правительстве республики, а односельчане просто боготворили. Его дочь Зульфия Кираева была очень красивой: стройная брюнетка с голубыми глазами, к тому же — студентка истфака университета. К маме сватались парни из самых известных и богатых родов, но она выбрала простого учителя, да еще — иноверца. У отца — многонациональные корни: датчане, украинцы, татары, русские, и его семья православная.

Мне было лет семнадцать, когда мама достала из своей шкатулки две пачки писем, аккуратно перевязанных ленточками. Показала на одну из стопок: «Это наша с Альбер-

том переписка. Видишь, кое-где чернила поблекли — потому что письма несколько дней пролежали в дупле дуба, который мы использовали в качестве почтового ящика. Все как в «Барышне-крестьянке» Пушкина. И мы были вынуждены скрывать свои чувства. Почти — увидишь, «кака была любовь!»» В последней мамин фразе сквозила не только ирония, но и горечь.

В другой пачке хранились письма, адресованные мне. В самом раннем мама писала: «Мне приснился звук колокольчика, но прислушавшись, я поняла — это смех ребенка. То был знак, потому что спустя несколько дней стало ясно: я беременна. Малыш, я пока не знаю, кто ты, сынок или дочка, но уверена: ты мой

ангел-хранитель, потому что приходишь в самый сложный период. Мы уже решили расстаться с твоим папой, а ты своим появлением сохраняешь нашу семью...»

Отец очень хотел ребенка, но мама долго не могла забеременеть. Когда наконец это случилось, он едва не сошел с ума от счастья. Да, так было — хотя потом верилось с трудом... Понимаю, что не вправе судить отца и должна его простить. Я и простила, но вот забыть мамин слезы и то, как мы с ней голодали, наверное, не смогу никогда.

В девяностые отец начал заниматься бизнесом, но, не имея опыта, прогорел и задолжал большие деньги. Помню ссоры родителей и обвинения — несправедливые, жес-

С любимой бабушкой

токие, которые он бросал маме в лицо. А потом отец исчез. Уехал из Волгограда, где мы жили, с намерением «поправить финансовое положение» и как в воду канул, оставив нас без копейки наедине с кредиторами. Отец — ревнивый человек и в свое время запретил маме быть ведущей на

— Но ведь ты переедешь в Москву, а моей зарплаты не хватит на частые поездки. Разве мы сможем подолгу жить друг без друга?

И директор моей гимназии подлила масла в огонь:

— Ляйсан — первая по математике и английскому, она возглавляет список учеников,

Прощаясь, мама обняла меня: «Устроюсь и сразу тебя заберу. А пока поживешь у тренера, все будет хорошо». Она и предположить не могла, что оставяет меня в аду.

Большую часть денег, которые зарабатывала, мама высылала на мое содержание. Мне из них не перепадало ни

Сегодня я уверена: в семнадцать лет кость моей левой ступни не превратилась бы в труху, если бы в десять меня не морили голодом

уфимском телевидении. Она занималась домом. И вот теперь, в середине девяностых, когда кругом шли повальные сокращения, ей пришлось искать работу.

Удалось устроиться в библиотеку, но только на полставки. Зарплата просто крошечная. Все проблемы были бы решены, прими мама одно из многочисленных предложений руки и сердца. Благодаря кредиторам информация, что «красавица Зульфия Утяшева осталась с дочкой одна», разлетелась очень быстро. От поклонников отбою не было, но мама всем отвечала отказом. Она продолжала любить отца.

В десять лет на клубном Кубке мира в Японии на меня обратила внимание Ирина Винер. Вернувшись домой, я протянула маме ее записку:

— Ирина Александровна хочет взять меня к себе в Центр олимпийской подготовки, просила тебя позвонить.

Мама засомневалась:

которые поедут по обмену в Америку. Подумайте, какие это перспективы! А с гимнастикой вообще лучше расстаться — сейчас такое время, что даже знаменитые спортсмены никому не нужны. Не ломайте дочке жизнь.

— Но она так любит художественную гимнастику...

— Что может понимать ребенок?! Ваша задача — объяснить, убедить.

Тренер по гимнастике тоже воспротивилась. Понять ее легко: кому хочется расставаться с перспективной спортсменкой? И в 1995 году мама так и не позвонила Ирине Александровне.

А в 1996-м ей самой предложили работу в Москве. Тренер, с которой мама решила посоветоваться, сказала: «Поезжайте. Но Ляйсан с места не дергивайте — вдруг у вас там ничего не получится и придется вернуться? Девочку я возьму к себе, обещаю: будет жить как принцесса».

рубля: тренер считала, что тут же накуплю «вредных» булочки или конфет. На завтрак я получала стакан чая и киви, на обед — половинку пиалы куриного бульона с кусочком черного хлеба, на ужин — опять киви с чаем. Она была обеспеченным человеком и вряд ли морила меня голодом из жадности — просто моя худоба до прозрачности казалась ей безумно красивой. Я постоянно слышала: «Даже набрав полкилограмма, ты перестанешь быть грациозной ланью».

Странно, что женщина, которая была матерью, совершенно не думала о том, что ребенку необходимо нормально питаться. Что растущему организму нужны витамины, белки, кальций. Сегодня я уверена: в семнадцать лет кость моей ступни не превратилась бы в труху, если бы в десять меня не морили голодом.

Поразительно, но при таком рационе я несколько месяцев умудрялась выдерживать

вать ежедневные тренировки по шесть-семь часов! А потом спину скрутил такой миозит, что любое движение отзывалось дикой болью. Без посторонней помощи я не могла не только ходить, но даже сидеть.

До этого правды о моем житье-бытье мама не знала. Звонила она часто — несколь-

ко раз в неделю — и неизменно слышала:

— Не беспокойся, все в порядке.

— А почему голос грустный?

— Устала немного и по тебе скучаю, — разве могла я пожаловаться, если тренер тут же брала трубку параллельно-

го аппарата и слушала наш разговор!

В тот день я была дома одна. Лежала, скрючившись, на кровати. Вдруг звонок. Судя по длинным трелям, межгород. Мама! Собрав последние силы, сползла на пол и так же ползком добралась до телефона:

— Мамочка, заведи меня отсюда! Я больше не могу терпеть!

— Я чувствовала: что-то не так! — рыдала мама в трубку. — Никогда себе не прощу, что доверилась этой женщине!

— Приезжай поскорее! Не могу без тебя! И гимнастика мне уже не нужна!

Последнее, понятно, было сказано от отчаяния. Когда мама забрала меня, я тут же начала тосковать по тренировкам. О том, чтобы позвонить Винер, не могло быть и речи. Даже если бы Ирина Александровна простила то, что мы не ответили на ее приглашение, работать в полную силу я не могла, спина продолжала болеть. Мама стала наводить справки и узнала, что среди московских тренеров есть Алла Николаевна Янина, которую называют «профессором». Эта удивительная женщина, окончившая медицинский институт, помогла восстановиться многим гимнасткам и вернула их в большой спорт.

Алле Николаевне мама честно призналась: «У Ляйсан серьезные проблемы со спиной. А ведь ей всего одиннадцать!»

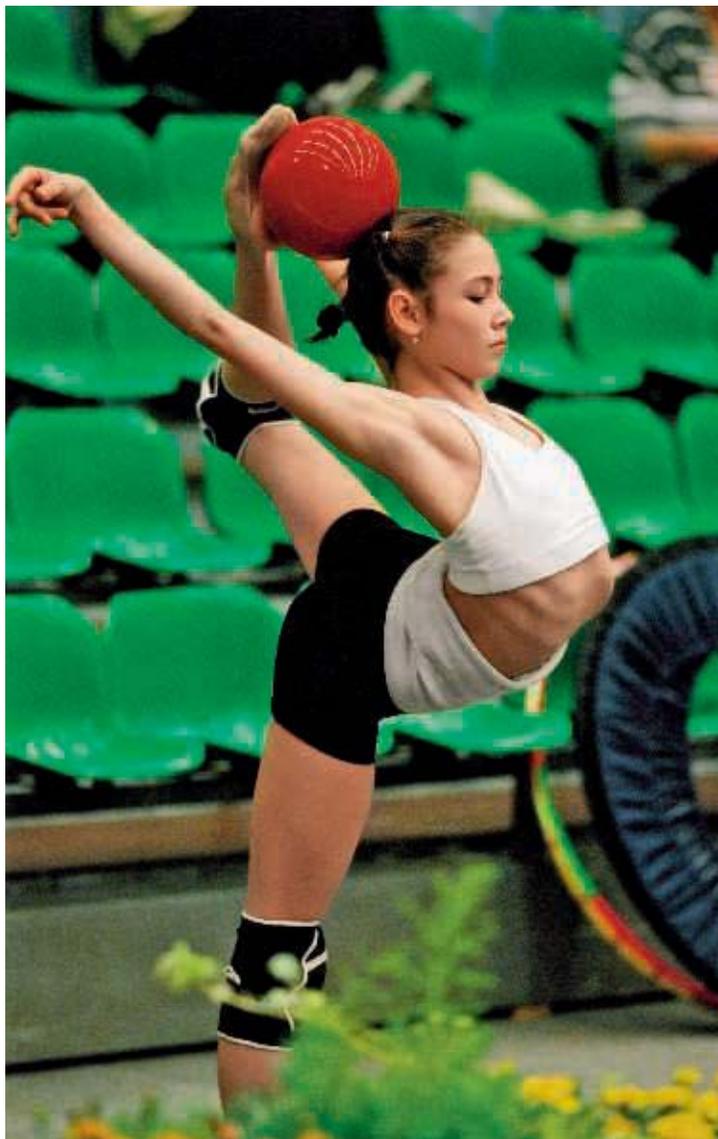

ФОТО: ИЗ АРХИВА Л. УТИШЕВОЙ

Хотела забрать дочку из гимнастики, но она плачет». И Янина меня взяла. Это было таким счастьем, что даже наша бедность не казалась мне катастрофой.

За аренду крошечной «хрущевки» в Свиблово — с мышами и тараканами — приходи-

лось отдавать половину маминой зарплаты. Оставшиеся деньги уходили на еду. Мама старалась кормить меня фруктами, йогуртами, куриным мясом. Однако если случались неожиданные траты, например надо было купить что-то из одежды, мы несколько

дней ели черный хлеб и гречку без масла. Но даже в такие тяжелые времена мама, когда шли по улице, говорила: «Не сутулься! Сутулятся только бедные. Держи спину прямо, как королева!»

Бабушке с дедушкой о нашей нужде она не рассказы-

вала. Не только потому, что не позволяла гордость, — ведь родители были против ее брака и оказались правы. Они и сами жили очень скромно, дед — человек честный и никогда не пользовался своим положением. Конечно, нам отдали бы последнее — толь-

ко разве мама могла такое позволить?

Постепенно спина прошла, я стала тренироваться в полную силу и в 1998 году на чемпионате России, соревнуясь с гимнастками, которые были старше меня на пять-шесть лет, заняла десятое место. Ал-

жала в субботу после утренней тренировки и оставалась до понедельника. В выходные мы обязательно куда-нибудь ходили — в театр, «Третьяковку», Исторический музей... Помню наши долгие прогулки по паркам, мама читала мне наизусть стихи своих лю-

Я стала слышать шепотки за спиной: «Смотрите, хромает словно калека. А сейчас разомнется и займет первое место. Симулянтка!»

ла Николаевна была моим тренером уже почти два года. После объявления результатов она вместе с мамой подошла к Винер.

— Этой девочке я дала все, что могла, — сказала Янина. — Ляйсан нужно двигаться дальше, и помочь ей можешь только ты, Ира.

Винер взглянула на маму:

— Если бы ты отдала мне дочку в десять лет, сегодня ей не было бы равных в гимнастике. Очень многое упущено.

Мама не стала оправдываться — молчала, потупившись.

— Хорошо, — сказала Винер, — я возьму Ляйсан. Но вместе с вами, Алла Николаевна.

Так я оказалась в Центре олимпийской подготовки в Новогорске — с тренером, которую знала и успела полюбить. В Москву к маме приез-

бимых Пушкина, Лермонтова, Блока.

Иногда хотелось сходить с подружками в кино, на какой-нибудь иностранный блокбастер, но мама... нет, не запрещала, а просто, как она говорила, обращалась к моему разуму: «Этот фильм ничего тебе не даст. Подумай: стоит ли попусту тратить время, забивать голову ерундой? Давай-ка ты сейчас считаешь хорошую книгу, а вечером мы идем в Театр Вахтангова — я купила билеты».

Этот театр мама любила особенно, «вахтанговец» Василий Лановой был ее кумиром с юности: «Так, как Лановой читает Пушкина, никто не умеет!»

Года три назад мы встретили знаменитого актера на Арбате. Увидев его, мама буквально окаменела. Но когда Василий Семенович поравнялся с нами, подалась вперед и выдохнула:

НА ЛЯЙСАН ПИЛАТЕ ДАША ГАЙСЕР. ГУФФЕН/ГОЛОВАТСКА

— Здравствуйте!
Лановой остановился:
— Добрый вечер...

Интонация, с которой мама произнесла свое «здравствуйте», предполагала продолжение разговора, и Лановой внимательно смотрел на нее. Повисла пауза. Было видно, что Василий Семенович тоже смущен. А мама, вспыхнув до корней волос, опустила глаза

деревне — не растеряюсь. Благодаря маме умею печь пироги, торты, а мясо готовлю как шеф-повар. Сейчас кулинарными изысками балую Пашу — ему моя кухня очень нравится.

...Отец объявился спустя несколько лет, когда наша жизнь уже наладилась. Мама нашла хорошую работу, я стала получать серьезные гоно-

медаль в ее глазах не стоила минуты моих страданий.

В 2001 году у меня начались серьезные проблемы с ногой. Малейшая нагрузка вызывала дикую боль, которую я глушила анальгетиками. Рентген ничего не показывал, и врач сборной настаивала: «Все проблемы Утяшевой идут от головы. После дисквалификации Чащиной и Каба-

Даже в тяжелые времена мама, когда шли по улице, говорила: «Не сутулься! Сутулятся только бедные. Держи спину прямо, как королева!»

и быстро пошла дальше. Я догнала ее, обняла:

— Мамочка, какая же ты у меня еще маленькая...

— Сама не знаю, Мась, что со мной случилось. Застеснялась как девчонка!

Наивность и чистота сочетались в маме с крепким душевным стержнем и большой внутренней силой, природный аристократизм — с готовностью выполнять любую, даже самую тяжелую работу. Она и мне внушала: «Учись делать все, что может пригодиться в жизни: готовить, вязать, наводить порядок в доме, работать в огороде, ухаживать за скотиной. Никто не знает, что судьба преподнесет».

Приезжая в Раевское к бабушке с дедушкой, мы тут же брались за мотыги и шли на картофельное поле, поливали и пололи огород, ворошили выложенное на просушку сено. Я даже корову научилась доить. Так что случись жить в

рары за выступления. Не собираюсь обвинять его в меркантильности: мол, пока мы голодали, не давал о себе знать, а тут вдруг приехал. Думаю, папа просто понял, наконец, что потерял. Он очень хотел вернуться в семью, но мама его уже разлюбила. Я в свои тринадцать это понимала и сказала ей: «Не надо жить с папой только из-за меня. Не хочу, чтобы ты была несчастливой». Позже, когда мама встретит новую любовь, я услышу: «Спасибо, что поддерживала меня тогда. Нельзя жить с человеком, которого не любишь. Нельзя себя заставлять...»

За время своей спортивной карьеры я насмотрелась всякого. В том числе видела немало родителей, которые готовы ради собственного тщеславия рисковать здоровьем ребенка, его судьбой. Мама очень гордилась моими успехами, но даже олимпийская

евои она стала первым номером в команде, это давит на нее психологически. Ляйсан боится ответственности!» Я стала слышать шепотки за спиной: «Смотрите, хромает словно калека. А сейчас разомнется и займет первое место. Симулянтка!»

Весной 2002-го на соревнованиях в рамках Кубка мира я выступала обколотая анальгетиками. Ноги почти не чувствовала. И вот выполняю сложный элемент, ступня вдруг подворачивается, и я падаю! Ужас, стыд и отчаяние охватили меня. Но какая-то сила тут же буквально подбросила мое тело вверх. Я вскочила и закончила выступление. Улыбалась зрителям, а у самой из глаз уже лились слезы.

Волю дала себе в раздевалке: рыдала, глядя на распухшую ногу, и никак не могла остановиться. Вошла Винер. Осмотрела ступню и сказала мрачно: «Кончай реветь, пове-

зем тебя в «Склиф» на рентген». Но и в этот раз снимки ничего не показали...

С соревнований меня сняли, Ирина Александровна разрешила месяц тренироваться без прыжков. Нога немного отдохнула, боль притупилась, однако перед выступлением на Кубке мира во Франции все равно пришлось ее обкалывать.

Я выиграла золото. Потом серебро — на чемпионате России и пять высших наград на юношеских играх СНГ и Балтии. Затем были еще пять медалей Кубка мира в Берлине и Мировые игры в Японии, где я завоевала серебро. Все это время почти непрерывно пила таблетки и обкладывала ногу льдом, но молчала. Никому не говорила, что боль вернулась. Какой смысл, если все считают, что я симулянтка и у меня плохо с нервами?

Даже Винер, которая видит всех насквозь, не знала, кому верить: мне или врачам. Помог случай. В сентябре команда поехала на сборы в Израиль, и однажды вечером Ирина Александровна, выйдя на балкон, увидела, как я ковыляла по пустому пляжу, приволакивая левую ногу, а потом, не выдержав боли, села на песок и заплакала. «Симулировать» мне в тот момент было явно не перед кем.

«Возможно, дело в связках», — предположила Винер и разрешила снизить нагрузки, чтобы я могла восстановиться к Кубку мира. В Герма-

нию полетела вместе с командой, но выступить так и не смогла: даже по коридорам гостиницы передвигалась с трудом.

И тогда Ирина Александровна, которая была на соревнованиях главным судьей, отложила все дела и повезла меня в одну из лучших клиник Штутгарта: «Ляйсан, если выяснится, что с ногой все в

ститута ревматологии РАМН — Архипов Сергей Васильевич и Макаров Сергей Анатольевич. Буду благодарна им до конца жизни.

Если бы мама узнала, насколько серьезны мои травмы, немедленно забрала бы из спорта. И я, и Ирина Александровна это предвидели, поэтому мы договорились: о диагнозе и сложности пред-

горск. Среди здоровых людей ты быстрее встанешь на ноги». И я опять поселилась в Центре. Мое пребывание там оплачивала Винер — сборная не может финансировать спортсменку, которая не выступает и еще не известно, будет ли когда-нибудь выступать.

На восстановление ушло два года. Тренироваться начала, когда нога еще была в гип-

После того как мама взялась за мой внешний вид, комплименты посыпались дождем: «Ляйсан, как ты изменилась, ну просто леди!»

порядке, а проблема в твоей голове, я найду лучших специалистов, тебе помогут, но работать с тобой больше не буду. А если ты не врала и травма действительно серьезная, станем бороться вместе, пока снова не выйдешь на ковер».

В клинике сделали томографию. Это более тонкое исследование, чем рентген. И наконец выяснилось: ладьевидная косточка в моей левой стопе полностью раздроблена и ее осколки забили кровеносные сосуды. Это прозвучало как приговор. Но Ирина Александровна принялась обзванивать ведущих хирургов мира — в Европе, Америке. И каждый раз слышала: «При такой травме о возвращении в гимнастику не может быть и речи — ходила бы нормально!»

На сложнейшую, можно сказать, ювелирную операцию решились наши врачи из Ин-

стоящей операции — ей ни слова.

В операционной я провела шесть часов. А потом два месяца пролежала в больнице. Я, привыкшая к совсем другому ритму жизни, там просто умирала. Еще и нога болела постоянно. Неудивительно, что началась депрессия. Спасибо друзьям, которые были рядом и делали все, чтобы меня из нее вытащить. Вася Уткин, блестящий спортивный комментатор, организовал выезд в ночной клуб. Я отказывалась категорически: все болит, не до веселья. Но разве можно устоять перед Васиным напором? Хотелось бы посмотреть на такого человека! И было так здорово, я даже танцевала на эстраде, правда, практически на весу — с обеих сторон меня крепко поддерживали друзья.

Приехав в очередной раз меня навестить, Ирина Александровна сказала: «Все, хватит! Отправляемся в Ново-

се. Ковыляла до зала на костылях и ползала там до полного изнеможения, разрабатывая руки и спину. Я приходила в зал и ночью. Казалось, легче заниматься, когда нет свидетелей моих мучений. Все губы были искусаны до крови. А утром снова, как все, приходила на тренировку. Однажды услышала разговор Ирины Александровны и девочки, которая, плача, твердила:

— Я не могу это сделать!

— Побойся бога! — заявила Винер. — Вон тренируется человек, который хочет, но не может ничего сделать. А когда-то мог лучше всех в мире. Иди и выполняй!

Через два месяца выяснилось, что кость не срастается, сделали новую операцию, опять под общим наркозом — вставили скрепляющий болт. После нее и многолетнего приема анальгетиков стала сдавать печень, от этого все лицо покрылось огромными

прыщами. Я сильно поправи-
лась от лекарств — на шесть
килограммов! Мне запретили
тренироваться, и я вообще пе-
рестала выходить из комнаты.
Силы кончились, депрессия
накрыла с головой. Лежала на
кровати и ждала, когда сни-
мут гипс.

И вот его сняли... Я увидела
кость, обтянутую синей, по-
трескавшейся, очень сухой ко-
жей. Попыталась опереться на
ногу и услышала, как хрустит
болт. Но я могла стоять и хо-
дить! Это уже было победой.

Никогда не забуду свое
первое появление в зале без
гипса и костылей. Все, кто там
был, повернулись ко мне и на-
чали аплодировать. Они улы-
бались, но вид у многих был
растерянный. Только спустя
несколько месяцев друзья
признались, что были потря-
сены моим жутким видом.

Подошла Ирина Александр-
ровна, обняла меня со сло-
вами: «Ну вот, ты уже похо-
жа на человека». И я начала
тренироваться по-настояще-
му. Получалось плохо. Нога
моя практически не стига-
лась. Я боялась на нее опи-
раться. Считала себя калекой,
уродом. Продолжала приходи-
ть в зал ночью, когда нико-
го нет, заматывала ногу и за-
нималась, занималась, зани-
малась...

И наконец наступил счаст-
ливый день: я выполнила пе-
ред Винер всю программу.
Меня включили в состав сбор-
ной. Болт оставался в ноге и
в какой-то момент стал выпир-
ать — сросшаяся кость вы-

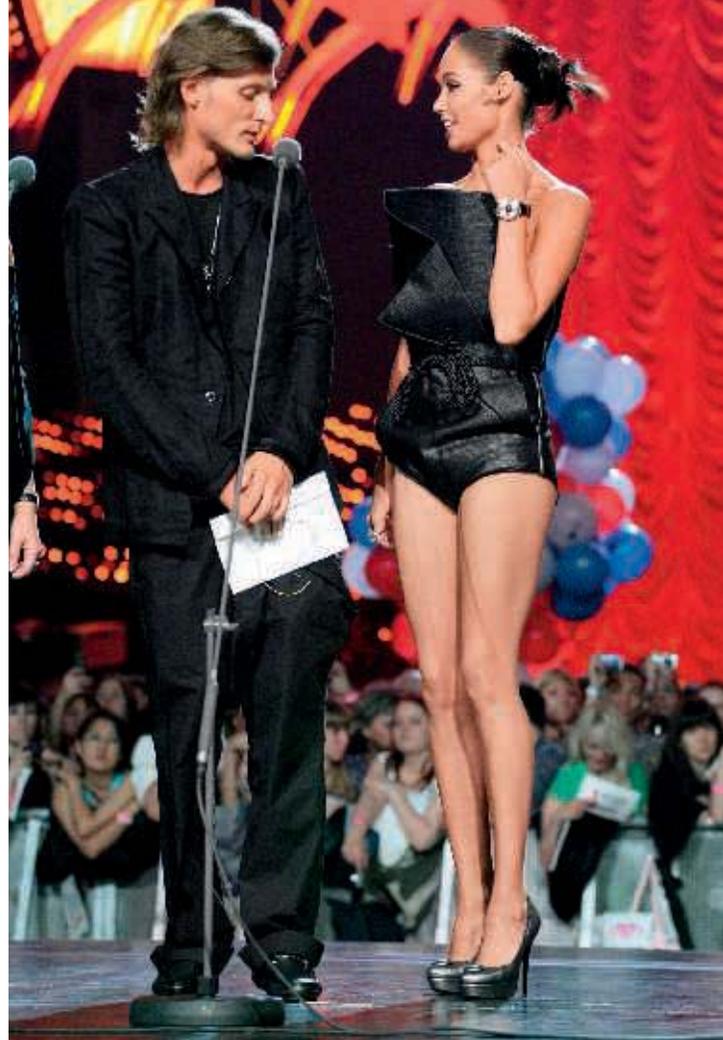
Мы с Пашей на церемонии вручения премии «МУЗ-ТВ 2010»

ропы в командном зачете. Но с каждым днем все яснее понимала: за два года моего отсутствия гимнастика ушла далеко вперед, подросло новое поколение спортсменок, за которыми вряд ли смогу угнаться. Да и не хочу, если честно...

До Олимпиады в Пекине оставалось чуть больше двух лет, когда мама спросила:

— Маша, ты уверена, что тебе это нужно? Может, настал момент уйти? Ты всем, и в первую очередь себе, доказала, что способна выстоять в любых обстоятельствах. Тренеры приводят тебя в пример: если судьба ставит подножку, нельзя опускать руки, надо сражаться, как Ляйсан! Все, что могла, ты сделала, а теперь надо отдохнуть, я вижу: ты смертельно устала.

— Это правда. Но как сказать Ирине Александровне? Она столько сил в меня вложила!

Мама шепнула мне: «Хороший мальчик, обрати внимание. Если мужчина умеет так шутить, он очень талантлив. Уверена, Паша пишет стихи»

талкивала его. Еще один обещанный наркоз делать не хотела — мечтала в будущем иметь детей. У многих гимнасток и так с этим проблемы, а наркоз их еще больше усугубляет. И тогда мне обкололи ногу новокаином и просто выдер-

нули из нее болт. От боли чуть не потеряла сознание. Болт отлетел куда-то в угол, я попросила отдать его мне и храню до сих пор...

Я снова стала побеждать на международных турнирах, завоевала звание чемпионки Ев-

— Винер поймет.

Не знаю, сколько бы тянула с объяснением, если бы не полученная во время одной из тренировок травма колена — несерьезная, можно сказать пустячная. Но именно она поставила точку в моих

сомнениях. Я подошла к тренеру:

— Ирина Александровна, мне придется расстаться с гимнастикой. Не могу больше, выдохлась.

Мы долго разговаривали. Винер сказала, что я сейчас как залитый дождем костер: бросаешь в него дрова, а он все равно не разгорается. Действительно, прежнего азарта уже не было. Зато в душе жил страх, что опять переломаюсь и начнется все сначала: больницы, операции...

— Ну, что ж, раз решила, удерживать не стану, — вздохнула Ирина Александровна. — За твою судьбу я не беспокоюсь: ты сильная, умная и обязательно найдешь себя вне гимнастики. Не забывай, Ли-

ственной гимнастики. И то и другое мне безумно нравилось, но в то же время я понимала: нужно найти дело, которым буду заниматься всю жизнь. И тут вдруг поступает предложение от телеканала «Спорт» — комментировать соревнования по гимнастике. Винер, послушав, как я это делаю, сказала: «Тебе неплохо бы попасть в кадр». Дала телефон одного из руководителей НТВ: «Смотри не опозорь меня. Если справишься — молодец, а нет... продолжай танцевать — у тебя это неплохо получается».

Я позвонила на НТВ, попросилась на кастинг, успешно его прошла и стала ведущей программы «Главная дорога».

Уже через несколько месяцев после моего появления

Мне понадобилась серьезная помощь психологов. Первые недели я не могла ни есть, ни спать. Похудела на двадцать килограммов

сичка: ты очень близкий мне человек и всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Последнего Ирина Александровна могла не говорить. Я это и так знала.

Еще долечивала колено, когда позвонил Алексей Немов и пригласил в свое гимнастическое шоу. Потом была сольная партия в «Болеро» Равеля, в которую руководитель Имперского русского балета Гедиминас Таранда включил мои коронные элементы из художе-

на телеэкране посыпались предложения: провести конкурс красоты, стать лицом крупной косметической компании... Пришлось задуматься о директоре. Лучшей кандидатуры, чем мама, я не видела. Но она уже руководила туристической фирмой в Испании, хорошо зарабатывала — гораздо больше, чем могла предложить я. Однако услышав, что дочка нуждается в помощи, не колебалась ни секунды:

НА ЛИСАНИ БЛУЗА И ВЕЛОСИПЕДА МАМА

- Конечно приеду.
- А твоя турфирма?
- Попробую курировать из Москвы.

В туристическом бизнесе мама была профессионалом, а в шоу-бизнесе ни она, ни я ничего не понимали. Поначалу мама пыталась консультироваться с продюсерами эстрадных звезд, но их рекомендации казались нам обеим, мягко говоря, странными. В конце концов было решено: единственная, к чье-

му мнению стоит прислушиваться, — Ирина Александровна. Мы обсуждали с Винер каждое мероприятие, каждый корпоратив, на которые меня приглашали ведущей. Что за люди его организуют? Не связаны ли они с криминалом? «Грязные» деньги были табу, как и участие в корпоративном застолье: отработали — сразу в машину и домой.

Но первым делом, став директором, мама озаботилась моим имиджем. А заносило

меня тогда, надо сказать, изрядно: мини-юбки, шорты, яркий макияж, тату... Никак не могла найти свой стиль. Хотелось походить то на одну западную звезду, то на другую. «Не пытайся никого копировать, — внушала мама. — Будь собой. Прежде всего люди ценят искренность. И давай договоримся: больше ни одной татуировки».

Не прошло и несколько недель после того, как мама взялась за мой внешний вид,

и комплименты посыпались дождем: «Ляйсан, как ты изменилась, ну просто леди!»

Четыре года мы практически не разлучались. Всегда и везде вместе — на работе, ту-совках, в театре... У Александра Реввы даже появилась де-журная шутка: «Ляйсан, разреши тебя пригласить... А, ты с мамой, ну, тогда извини».

Отпуска тоже проводили вдвоем, правда, выпадали они нечасто. График выступлений, телевизионных съемок про-